

УДК 343.9.018

DOI [10.17150/1996-7756.2014.8\(4\).162-174](https://doi.org/10.17150/1996-7756.2014.8(4).162-174)

КРИМИНОГЕННЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

А.Ф. Московцев, А.В. Копылов

Волгоградский государственный технический университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления
25 сентября 2014 г.

Дата принятия в печать
12 ноября 2014 г.

Дата онлайн-размещения
29 декабря 2014 г.

Ключевые слова

Криминология; методология и теоретический инструментарий; криминогенная система и ее элементы; конструирование и анализ криминогенных систем; базовая и особенные криминогенные системы; экономическое преступление; теневая экономика; междисциплинарный подход в криминологии

Аннотация. Статья посвящена анализу возможностей криминологической науки производить и осваивать продуктивные криминогенные системы. В криминологии любые общественные связи и отношения помещаются в пространство криминогенной системы, рассматриваются под углом зрения криминогенной детерминации и представляются в качестве причин и условий, порождающих преступность. Вследствие консервативности и инерционности традиционного научного знания и его инструментария на передний план современной криминологической науки выдвигается проблема методологии конструирования таких систем.

Опираясь на качестве образца криминологического исследования на феномен экономического преступления, авторы приходят к выводу, что криминогенная система для анализа детерминации экономической преступности должна включать следующие три элемента: экономическая норма, массовые и систематические нарушения экономической нормы, деформация соответствующей экономической отрасли. Они представляют подобную систему в качестве прообраза для реконструкции базовой криминогенной схемы.

В статье для исследования целостного феномена преступности предлагается опираться на сочетание базовой и специфических криминогенных систем, которые учитывают многообразие криминальных проявлений. Авторы делают вывод, что сложные механизмы детерминации преступности обществом для каждой криминальной отрасли требуют для своего описания и соответствующих по сложности схематизаций и разнообразия языков. Поэтому пределы адекватного представления криминальных феноменов определяются универсальным криминологическим подходом, но не криминологическим подходом, культивирующим многообразие криминогенных схем и языков.

Конечная цель разработки криминогенных систем заключается в том, чтобы служить основой для разработки рекомендаций, востребованных по всем направлениям противодействия современной преступности.

CRIMINOGENIC DETERMINANTS OF ECONOMIC CRIME: THEORY AND PRACTICE

Moscovcev, Aleksandr F., Kopylov, Aleksey V.

Volgograd State Technical University, Volgograd, Russian Federation

Article info

Received
2014 September 25

Accepted
2014 November 12

Available online
2014 December 29

Key words

Criminology; methodology and theoretical tools; criminogenic system and its elements; construction and analysis of criminogenic systems; the basic and particular criminogenic systems; economic crime; shadow economy; interdisciplinary approach in criminology

Abstract. The article analyzes the possibilities of criminological science to produce and develop productive criminogenic systems. In criminology any social connections and relations are placed in the criminogenic system, and are considered from the perspective of criminogenic determination and are presented as the causes and conditions that originate crime. Due to the conservatism and inertia of traditional scientific knowledge and its tools, the issue of designing such system is put on the forefront of modern criminological science.

Based on the phenomenon of economic crime as an example of criminological research the authors concluded that the criminogenic system for the analysis of the determination of economic crime should include the following three elements: economic norm, mass and systematic violations of economic norms, the deformation of the corresponding economic sector. They represent a similar system as a prototype for the reconstruction of basic criminogenic scheme.

The authors suggest to rely on the combination of basic and specific criminogenic systems that take into the account the diversity of criminological forecast for the research of holistic phenomenon of the crime. The authors conclude that the complex mechanisms of crime determination by society require for its description consistent

with the complexity of schematizations and languages diversity for each criminal industry. Therefore, the limits of adequate representation of criminological phenomenon are defined by the universal criminological approach, and not by criminological approach, that cultivates the diversity of criminogenic schemes and languages. The ultimate goal of developing the criminogenic systems is to serve as a base for the development of recommendations that are in demand in all areas of modern crime counteraction.

Предмет и основной инструментарий криминологической науки на сегодняшний день представляются устоявшимися и воспроизводятся на протяжении уже многих десятилетий. В то же время опыт развития многих других наук об обществе — социологии, экономики, истории, психологии и т.д., не говоря уже о философии, — свидетельствует о наличии внутри каждой из них разнообразия течений, подходов, методов и используемых языков. Зачастую учебные курсы этих наук легко превращаются в историю соответствующих учений в силу невозможности сформировать общий подход и научный язык. Возможно, в лучшем положении среди всех находится экономическая теория, которой удалось опереться на позицию мейнстрима, или господствующего экономического течения. Представляется полезным и актуальным в свете такого состояния дел оценить возможность и полезность культивирования разнообразия научных подходов и в криминологической науке.

На гребне современной активизации внимания общества и государства к борьбе с преступлениями экономической, коррупционной, компьютерной и другой направленности миссию проектирования профилактических программ и выработки рекомендаций по организации их проведения не может не брать на себя криминологическая наука. Эта наука свой основной вопрос — о природе преступности вообще и ее конкретных видов — рассматривает в органическом единстве с организацией борьбы с ними, подчеркивая тем самым и свое юридическое происхождение и принадлежность. Но подобная концептуальная позиция в то же время задает специфический угол зрения относительно всех рассматриваемых вопросов, включая профилактические: и саму постановку вопросов, и круг вопросов, и характер их рассмотрения, а в конечном счете и сам язык и инструментарий науки. Криминологическая наука желает быть полезной прежде всего, если не исключительно, юридическому ведомству, служить развитию «искусства юриста» [6, с. 820–821].

Для криминологии в принципе характерен широкий взгляд на происхождение преступности. В рамках одного из ее аксиоматических положений преступность рассматривается как элемент общества. Криминолог исследует «детерминацию преступности обществом». В обществе он ищет и находит некоторую «криминогенную систему», или комплекс «криминогенных детерминантов», — совокупность взаимосвязей между элементами общества, «непосредственно детерминирующих преступность». При этом криминогенная система рассматривается как «единое целостное образование по отношению к другим социальным системам — к системе уголовной юстиции, к системе профилактики правонарушений, к обществу в целом», находящееся с ними в определенном взаимодействии [8, с. 44–45].

Таким образом, в криминологии любые общественные связи и отношения помещаются в контекст криминогенной системы, рассматриваются под углом зрения криминогенной детерминации и представляются в качестве причин и условий, порождающих преступность. Специфически криминологическая позиция с самого начала предполагает реализацию целостного подхода к анализу преступности. Отсюда вытекает, по мысли некоторых криминологов, ее уникальная способность «выявить сразу всю совокупность взаимосвязей, непосредственно детерминирующих преступное поведение и преступность» [6, с. 310]. Тогда как, например, ни психолог, ни социолог, ни другие специалисты, которые также пытаются рассуждать о причинах преступности в рамках своей компетенции, но изолируя определенные ее факторы, не имеют возможности видеть криминогенное целое. Тем самым они не в состоянии учесть взаимосвязи всех криминогенных факторов и те конкретные взаимодействия, в которых рассматриваемое ими обстоятельство порождает преступность. Соответственно, криминологическая наука, аналогичным образом реализуя идею «ограниченного детерминизма» и сосредоточившись на

анализе связей криминогенного комплекса, отбрасывает и оставляет без внимания все другие связи в обществе, в том числе связи элементов криминогенной системы с другими элементами общества, которые, предположительно, не могут участвовать в непосредственном порождении преступности.

Любая наука устроена таким образом, что ее исходные, и прежде всего аксиоматические, положения нуждаются в уточнении условий их применения. В противном случае эти положения останутся формализмом, плохо согласующимся с реальностью. Поэтому постулат о «преступности, вплетенной в ткань общественных отношений», должен быть дополнен конкретными представлениями о механизме детерминации преступности обществом. В криминологии модель такой детерминации задает как раз криминогенная система, в качестве основного элемента которой чаще всего выделяется «система социально-негативных, с точки зрения господствующих общественных отношений, явлений и процессов» [8, с. 44]. Роль основного элемента могут сыграть также и «отрицательные социальные отклонения», которые непосредственно и порождают «преступность в ее развитии при просчетах борьбы с ней» [6, с. 277, 288]. В последнем случае криминогенная система включает также и «вполне положительные обстоятельства» — общество, представленное в виде взаимодействия «различных явлений, процессов, в том числе в форме противоречий, не находящихся своевременного и удовлетворительного разрешения».

Наиболее значимые дискуссии в связи с формированием различных моделей криминогенной детерминации возникают по поводу, во-первых, оценки степени социальной негативности основного элемента криминогенной системы. Очевидно, что доминирование схем, в которых в качестве криминогенных детерминантов используются элементы ближайшей к преступности среды, имеющие ярко выраженный криминальный характер, дает в итоге примитивное описание общества и криминогенной системы. Такие схемы не позволяют вскрыть всю полноту общественных связей, детерминирующих реальную преступность. В идеале схема криминогенной детерминации должна отражать постепенное нарастание социальной негативности от элемента к элементу крими-

ногенной системы и при этом охватить своим влиянием как можно более широкую систему общественных отношений. Подобная схематизация в конечном итоге покажет, как рождается среда, терпимая к социально негативным отклонениям от нормы, которая, в свою очередь, генерирует преступные элементы.

Во-вторых, другой особенно дискуссионный момент составляет включение в криминогенную систему положительных элементов общества. В таком случае позитивные и негативные элементы общества — норма и ее нарушение — не просто каким-то образом сочетаются и взаимодействуют в одной системе координат, но становятся в некотором качестве однородными. И сама криминогенная система приобретает нетрадиционный вид. «Социальная норма и социальные отклонения, — замечает по этому поводу В.Н. Кудрявцев, — два полюса на одной и той же оси социально значимого поведения индивидов, социальных групп, классов и других социальных общностей» [7, с. 99]. На способность положительных элементов общества детерминировать преступность во взаимодействии с негативными обстоятельствами, на наш взгляд, справедливо указывают многие криминологи. Однако одно дело — констатировать возможность подобного события или иллюстрировать эту возможность отдельными примерами, а другое дело — систематически анализировать рассматриваемый способ криминогенной детерминации.

Криминология имеет некоторый специальный опыт исследования явлений, в которых сочетаются позитивные и негативные элементы общества. Эти явления в «концентрированном» виде проходят, например, под рубрикой экономических преступлений. Принципиальной особенностью экономических преступлений как запрещенной УК РФ и наказуемой деятельности является осуществление этой деятельности в рамках легальной экономической деятельности, на ее основе и под ее прикрытием [24, с. 25–27].

Как пишет А.М. Яковлев, юридическое определение конкретных форм экономической преступности (кража, растрата, мошенничество и т.д.) «охватывает лишь часть действий из того более широкого комплекса деяний, в результате которых материальные ценности или права на них «перемещаются» от одного лица к другому без согласия либо даже осведомленности об этом потерпевшего» [27, с. 30–31].

В рамках легальной хозяйственной деятельности рассматриваемое нарушение по своей внешней форме может ничем не отличаться от остальных действий. Зачастую только метод совершения деятельности позволяет признать ее незаконный характер.

Если преступление как таковое есть резкое отклонение от нормального течения общественной жизни, крайнее неуважение к существующему порядку, то идентификация преступного факта — криминальной составляющей любой деятельности, казалось бы, не должна вызывать больших затруднений. Однако в экономической сфере подобная идентификация как раз является фундаментальной проблемой. Факт экономического преступления вписан в общественно-экономическую среду, слит с ней и обнаруживается зачастую случайно, если, например, сопряжен с общеуголовными преступлениями. А большая часть подобного рода явлений вообще остается вне поля зрения контролирующих и правоохранительных органов, широкой общественности.

Поскольку феномен экономического преступления, в отличие от факта экономического преступления в уголовной статистике, не может и не должен считаться заданным, постольку мыслить его приходится в широком социально-экономическом контексте. И данный контекст неустраим, если, конечно, иметь в виду профессиональную, квалифицированную работу по выявлению и расследованию экономических преступлений, криминологическую их оценку, а не сводить все к элементарной процедуре подведения известного «факта» преступления под соответствующую статью Уголовного кодекса.

Во-первых, специалисты, прежде всего по уголовному праву, отмечают весьма условную грань, отделяющую гражданско-правовые деликты от хозяйственных преступлений как таковых [4]. Одно почти незаметно переходит в другое, и необходимо вникать в гражданско-правовые детали, чтобы идентифицировать факт экономического преступления. Этот факт обязательно сопряжен с нарушениями всякого рода регулирующих экономическую деятельность норм не уголовно-правового характера, прикрывающих и маскирующих его своей формой. Поэтому не случайно нормы экономического раздела УК носят, как правило, бланкетный характер, т.е. отсылают для уточнения к соответ-

ствующим статьям ГК РФ и НК РФ, законодательным и другим нормативным актам, регулирующим соответствующие сферы экономической деятельности. Кроме того, для грамотного применения таких норм необходимо знание указов президента, постановлений правительства РФ, ведомственных приказов, инструкций, методик, разъяснений и др., т.е. всей нормативной системы, регулирующей экономику в целом и ее отдельные сферы.

Рассматриваемое принципиальное положение о единстве социальной нормы и патологии (правомерного, неправомерного и противоправного) в человеческом поведении на фундаментальном уровне получило свое отражение в сравнительно уже давних работах отечественных ученых [7; 19; 25]. Оно прошло всестороннюю апробацию на материалах отдельных сфер экономической деятельности [9; 10; 12; 13; 16]. Эта же истина настойчиво внедряется в практику расследования преступлений в сфере экономики в виде руководств, рекомендаций, наставлений и методического обеспечения [1; 23]. Остается надеяться, что в правоохранительной практике она также будет становиться истиной, воплощенной в целостной модели правомерной деятельности в соответствующей экономической сфере, а не останется на уровне требований «голых» статей экономического раздела УК. Очевидно, что сам факт экономического нарушения или преступления в виде тех же своих признаков может быть выявлен и доказан только на основе сопоставления наблюдаемого экономического поведения с нормативной моделью данной деятельности, которая существует, сложилась или специально формируется в голове правоприменителей в том числе под влиянием господствующих общественных настроений.

Если экономическая норма естественным образом включается в правоприменительную и правоохранительную практику, то она с такой же необходимостью должна стать элементом криминогенной системы при объяснении детерминации экономической преступности и объектом криминологического анализа. Однако в этом случае рассматриваемая норма не может не мыслиться здесь обобщенно, некоторым системным образом, а не только в виде отдельных и фрагментарных нормативно урегулированных сфер экономической деятельности. Иначе выстроить общую модель криминогенной детер-

минации для экономической преступности никак не получится.

Во-вторых, фундаментальное основание незаданности феномена экономического преступления — многозначность и проблематичность самой экономической нормы, связанные с разнообразием форм развития современной рыночной экономики и их субъективной интерпретацией различными силами общества. Поэтому даже от «чистого» экономиста невозможно получить объективное и однозначное видение этой нормы, тем более для «всех» случаев жизни. Скорее, ее прообраз проще и надежнее уловить в тенденциях развития экономического законодательства и в широких общественных дискуссиях о развитии страны и глобальной экономики.

Современные экономические преступления обоснованно, на наш взгляд, представляются в виде особого типа экономических отношений рыночного и псевдорыночного характера, выраженного в криминальной форме [17]. В административно-командной экономике советского образца подобного рода факты достаточно контрастно выделялись на фоне «нормальных», иерархически организованных государственно-монополистических структур. В развитой же рыночной экономике и криминальный бизнес выступает как прямое продолжение и развитие типовых ее форм. Даже, казалось бы, заведомо криминальное образование — организованная преступность — строится здесь с использованием легальных форм юридического лица, как нормальное коммерческое предприятие, отличаясь от последнего лишь наличием так называемых «отделений по применению принуждения».

Дефицит и отсутствие проработанных обобщенных схем видения нормы современных экономических отношений, а тем более построенных с единых, общепризнанных позиций, особенно отчетливо проявились в дискуссиях об экономической амнистии, объявленной президентом России в целях ускорения экономического развития страны. К тому же в этих дискуссиях нет даже намек на увязку амнистии с рекомендациями по совершенствованию правоохранительной практики по экономическим делам, законодательного устройства, экономической политики в целом и отдельных ее аспектов. Амнистия, по версии заместителя главного

редактора издания «Эксперт» А. Привалова, дает сразу нескольким — «полпредам, губернаторам, мэрам и прочим начальникам», «силовикам», «обществу» — сигналы о том, что «малый и средний бизнес нуждается в их защите», что «федеральная власть более не склонна оставлять без внимания заказные уголовные дела против предпринимателей», что «есть честные предприниматели, оказавшиеся невинными жертвами властного произвола» [20]. Судя по всему, эти сигналы оказались большинством поименованных выше плохо услышаны. И версия автора о «вполне сложившейся целостной системе чиновничьего капитализма» в стране имеет под собой хотя бы некоторые объективные основания. Об эту систему, которая сводит «независимый бизнес ко все уменьшающейся резервации», разбиваются все «разрозненные попытки «гуманизации» отношения власти к бизнесу». Установление же согласованной позиции общества по отношению к экономической амнистии, несомненно, подтолкнуло бы экономическое развитие страны вперед.

Дефицит концептуальности и системности проявляется также в популярной сегодня деятельности по проведению криминологических экспертиз самых различных нормативных актов, в том числе антикоррупционных. Вне изучения реального общественного контекста, в котором этим нормам предстоит функционировать, и в отрыве от связи со смежными нормативными актами и нормативной системой в целом, только на основании формального анализа отдельных правовых норм, невозможно провести никакую серьезную экспертизу. Любой, даже самый поверхностный анализ экономико-правовой реальности, сложившейся в различных областях экономической жизнедеятельности, чуть ли не в каждой из них выявит массовое и систематическое нарушение норм, регулирующих эти области. Данный анализ только подтвердит общеизвестную истину о наличии в нашей стране массовой и масштабной теневой экономики. Без учета же действия теневого фактора, т.е. существования параллельной, неофициальной или неформальной экономической реальности, любая криминологическая экспертиза будет имитацией.

Специфический признак теневой экономики — массовое и систематическое нарушение экономической нормы в самом широком смысле

ле слова [15]. Нарушение нормы в нашем понимании включает в себя и связанные с ним разнообразные аспекты: обход нормы, различные варианты уклонения от выполнения нормы, замещение официальной нормы неформальной нормой (деформализация) и др. Указание на «массовое и систематическое нарушение нормы» имеет для криминологического анализа решающее значение. С отдельными нарушениями (эксцессами) правоохранительная система может эффективно бороться своими силами, но с массовыми нарушениями справиться невозможно никакими традиционными и сравнительно простыми средствами. Чтобы противодействовать подобному феномену, требуется подключение сил самого общества. Это может произойти, например, в виде совершенствования экономического законодательства или, в крайнем случае, с помощью изменения отдельных элементов социально-экономической системы, либо даже может потребоваться изменение общественной системы в целом.

При всем внимании, которое выше рекомендовалось обратить на реконструкцию экономической нормы, основным элементом криминогенной системы было и остается нарушение социальной нормы. Признание факта масштабной теневой экономики свидетельствует о специфической ситуации, сложившейся в экономике, к которой должен быть приспособлен и криминологический анализ. Криминология должна сделать объектом своего специального внимания ситуацию массового и систематического нарушения экономической нормы. И если в криминогенной системе, настроенной на экономическую преступность, криминальный компонент в явном виде отсутствует, то его неявным образом задает в соответствии с самой природой экономической преступности массовое и систематическое нарушение экономической нормы.

Сфокусировав свое внимание на феномене нарушения экономической нормы, криминология не уходит от изучения своего традиционного объекта — криминальной составляющей общественной жизни. Любую науку всегда интересуют массив однородных фактов, а не отдельные факты как таковые, в данном случае — массовое и систематически воспроизводимое явление, имеющее глубинные социальные корни, — нарушение экономической нормы. Это самый

очевидный симптом наличия экономической преступности. Экономические преступления — необходимый компонент массива такого рода явлений. Сконструированная подобным образом криминогенная система моделирует ситуацию деформализации экономической нормы, которая указывает на происходящие в связи с этим «игры» по поводу нормы. «Хозяйственные агенты не просто нарушают формальные правила, но пытаются изменить порядок их фактического применения в свою пользу путем воздействия на правила» и органы «контроля» [21].

Все участники «игры» — и законодательные, и контролирующие, и правоохранительные органы и экономические агенты — действуют по логике неформальных договоренностей и конвенций, которые не предполагают полного и безусловного выполнения установленных правовых норм. Все они, так или иначе, являются соучастниками неправомерного режима функционирования отрасли. В условиях существования выборочного контроля над соблюдением правил со стороны контролирующих органов, а тем более их неясности эти правила используются в качестве инструментов давления на «несговорчивых» экономических агентов и аутсайдеров. Последние участники и становятся «крайними», подлежащими различным санкциям и в конечном итоге уголовному преследованию. К числу таких же «крайностей» можно отнести также участников скандальных и вопиющих случаев нарушений нормативной системы, совершающих наряду с экономическими еще и общеуголовные преступления.

Большинство экономических агентов, функционирующих в пораженной нарушениями отрасли, возможно и скорее всего, не совершают экономические преступления в силу моральных, или профессиональных, или других личностных соображений. Иначе получится совсем абсурдная с точки зрения уголовного права схема преступных действий. Вместо индивидуального субъекта преступной деятельности мы будем иметь действующую при его помощи некую анонимную силу, представляющую сложившуюся в отрасли социально-экономическую систему и фабрикующую под его маской экономические преступления. Криминологическая наука использует гораздо более приемлемую для сложившихся представлений схему понимания «общего механизма детерминации обществом

преступности», в которой недостаточная объяснительная способность объективной составляющей криминогенной системы восполняется отсылкой к «субъективной стороне» преступления, особенностям личности преступника, его психологии.

Поскольку в рассматриваемом случае самый первый, общий и необходимый признак преступления — нарушение нормы — задается экономической структурой криминогенной отрасли и перманентно присутствует в ее функционировании, постольку не следует забывать, что не субъекты экономических преступлений как самые «крайние» участники экономических отношений в этой отрасли создали или создают саму ситуацию массового нарушения экономической нормы. Сами по себе, собственными усилиями они не в состоянии породить экономическую структуру отрасли. Они способны только функционировать в заданной форме экономико-правовых отношений, воспроизводить сложившийся порядок вещей и потому не могут нести всю полноту ответственности за порождение этого порядка. С устранением их из числа участников экономических отношений в отрасли действующая в ней криминогенная структура никуда не денется. Сговор между всеми участниками неформальных договоренностей по воспроизводству данной структуры должен быть разрушен усилиями всех заинтересованных в этом сторон — правоохранителей, законодателей, контролирующих органов, других органов власти и представителей общества, большинства участников отраслевой экономической деятельности. Ведь главным выгодоприобретателем от неправомочной деятельности является небольшое число наиболее защищенных участников неформальных договоренностей. Они же сознательно используют недостатки экономико-правовой системы в своих корыстных целях.

Первой предпосылкой для понимания путей преодоления порочной системы функционирования отрасли выступает выяснение ответа на вопрос, как и при каких условиях возможно возникновение такого феномена, как массовое и систематическое нарушение экономической нормы.

Для объяснения генезиса рассматриваемой ситуации в используемую с целью объяснения экономической преступности криминогенную схему должен быть введен новый элемент —

«дисфункция деятельности социального института» [25; 27]. В свою очередь, к возникновению дисфункций могут приводить или недостаточное развитие соответствующего института, или деформация уже сложившихся институтов в целом и отдельных их элементов (ценностных ориентаций, социальных норм и механизмов принуждения к их выполнению).

Основное в дисфункции социального института заключается в том, что важная общественная потребность, связанная с существованием института, не может удовлетворяться нормальным, официально установленным образом [27]. В связи с этим возникают теневые способы удовлетворения данной потребности с помощью спонтанного появления нормативно не урегулированных практик, нарушающих существующие нормы и правила. Хотя дисфункции могут носить и фундаментальный, собственно социальный, характер (неясность и потеря цели, неопределенность выполняемой функции, падение социального престижа и авторитета института, несоответствие его деятельности характеру общественных потребностей, снижение служебной роли, перерождение отдельных функций института в «символическую», ритуальную деятельность), наиболее очевидным и заметным является «широкий спектр социальных дисфункций в сфере экономики» [27, с. 21, 49, 51, 53]. Источником подобных дисфункций, как правило, служит неадекватность системы регулирования или хозяйственного механизма объективным процессам и закономерностям экономического развития.

В одних случаях дисфункция выражается во «всеобщем нежелании бороться с теневым оборотом алкоголя» [23]; в других — в незаконном (до 60 % всего объема) вывозе древесины [5; 18]; в третьих — в «системных ошибках» организационного характера при создании системы обслуживания армии, которая «дает людям возможность расхищать деньги» [3]; в четвертых — в «системной коррупции высокопоставленных чиновников» [2; 26; 28]; в пятых — в создании «самой коррупционной ниши в коммунальном хозяйстве» в виде системы управления коммунальными сетями [14] и непрозрачной системы управления ЖКХ в целом; в шестых — в неэффективной системе арбитражного правосудия, в которой больше 80 % судебных решений не исполняется [29].

Все названные и многие другие свидетельства дисфункционального функционирования различных областей и отраслей экономической сферы должны стать объектом специального криминологического анализа. Криминология не может удовлетвориться уже установленными симптомами массового правового нигилизма и той аналитической работой с подобными симптомами, которую уже проделали своими средствами политики, публицисты, психологи, социологи, экономисты, представители других отраслей права и др., хотя и может использовать эти данные и эти средства. Но в рамках системного криминологического анализа они должны иметь подчиненное значение по отношению к инструментарию этого анализа. Главное его назначение не просто вести поиск и исследование криминогенных областей в реальной экономике, а давать ориентиры и рекомендации для преодоления массовых нарушений в этих областях и налаживания нормальной работы правовой системы. В отсутствие системного криминологического подхода подобная работа может быть проделана только случайным образом.

Конечно, никто не ожидает от криминолога, что, «копаясь» в проблемах реальной экономики, он превратится в «экономиста» или даже в универсального специалиста, способного исследовать «все многообразие явлений действительности» [6]. Если же, в крайнем случае, он решится принять образ действия «криминологического империалиста» по аналогии с известным «экономическим образом мышления», способного находить предмет для своего анализа в любой частичке общественной действительности, то все равно базовая криминогенная схема останется в его исполнении неизменной при каждом отдельном применении. В данном смысле для реализации криминологического подхода в принципе не существует никаких заранее установленных границ. Но при этом данная схема всякий раз должна быть модифицирована и приспособлена к специфике рассматриваемой сферы общественных отношений. В отсутствие конкретного представления об изучаемой области криминальных явлений не получится произвести и содержательный криминологический анализ.

Глубина проникновения криминологического анализа в ткань общественной жизни лишь отчасти задается самим по себе крими-

нологическим подходом, который по форме может быть безразличен к специфике осваиваемой области. Она проходит по границам криминогенной системы, содержание которой конструируется с учетом специфики конкретной сферы криминальных явлений. Анализ этой системы как раз позволяет в конечном счете выявить «сложные механизмы продуцирования преступности социальной средой» [6], какие бы факторы ни были задействованы в этих механизмах — «социальные, экономические, психологические, организационные, правовые и многие другие факторы, связанные практически со всеми сферами общественной жизни...» [25]. Основной инструмент и возможности для криминологического анализа задает именно конструкция криминогенного комплекса со всеми взаимосвязями между его элементами. «Сузить», «расширить», «углубить» границы криминологического анализа возможно, только изменяя эту конструкцию.

Криминогенная система для исследования детерминации экономической преступности, как мы показали выше, включает следующие три элемента: экономическая норма, массовое и систематическое нарушение экономической нормы, деформация соответствующего социального института. Важнейшая особенность анализа рассматриваемой системы — доминирующее значение криминологической характеристики объективной стороны преступления. Такое доминирование очевидно при анализе и каждого названного элемента системы в отдельности, и их взаимодействия. Но даже в тех случаях, когда субъективная сторона нарушения должна преобладать — при анализе мотивации и других характеристик неправомерного поведения, на самом деле доминирует опять-таки объективная сторона.

Ситуации массового нарушения экономической нормы сопровождаются не только деформациями в социальных институтах, но также деформациями в поведении экономических субъектов: их потребностей и интересов, логики принятия решений [7]. Сложное взаимодействие элементов личности и среды, ведущее к преступлению, в этих случаях не только имеет множество разновидностей, но и в каждом конкретном случае связано с дефектами в нескольких звеньях психологической цепочки, детерминирующей неправомерное поведение. Здесь

часто наблюдается «свернутый» механизм поведения субъекта неправомерного поведения, при котором этот субъект часто вообще не задумывается о вариантах своих действий, поступая по привычке, согласно сложившемуся стереотипу действий, «по шаблону». Такому свертыванию способствует действие оправдательной схемы «так поступают все». Поэтому не психология как таковая, а социальные закономерности в виде стереотипов поведения выходят в подобных случаях на первый план для объяснения неправомерного поведения.

Следующее уточнение субъективной стороны экономического преступления показывает, согласно исследованиям зарубежных криминологов [30], что социально-психологические характеристики «беловоротничковых» преступников мало чем отличаются от таких же характеристик людей, не совершавших никаких преступлений, в частности несудимых студентов, и в то же время контрастно соотносятся с подобными характеристиками заключенных за традиционные преступления. Из этого делается вывод о том, что при случае каждый наемный работник, клиент, поставщик, партнер по бизнесу и прочие экономические функционеры с большой степенью вероятности могут оказаться «аферистами», «мошенниками», «растратчиками» и пр., т.е. способными совершить экономические преступления. В этих ситуациях о личности преступника нельзя сказать почти ничего нового по сравнению с личностью среднестатистического гражданина вообще.

По тому же поводу, используя в качестве ориентира налоговые преступления, Б. Свенсон в своей известной работе делает заключение о способности «почти каждого гражданина совершить одно или большее число раз в своей жизни подобное деяние» [24]. И далее продолжает: «Если задуматься над тем, какими качествами должен обладать тот, кто, например, сидит в дирекции правления ТНК и принимает решения о приобретении предприятия вопреки законодательству о конкуренции, произвольно устанавливает цены при поставках внутри корпорации вопреки налоговому законодательству или измышляет условия платежа в международном соглашении вопреки валютному законодательству, становится ясно, что он — обыкновенный человек. И это предположение остается в силе, когда речь идет, например, о промышлен-

ном шпионаже, взятках и других действиях, которые гораздо ближе к традиционным преступлениям» [24].

Объективистский уклон к конструированию и анализу криминогенной системы находится в явном противоречии с традиционным уклоном криминологии при объяснении причин преступности сводить их к «социально-психологическим детерминантам, включающим элементы экономической, политической, правовой, бытовой психологии», действующим «на разных уровнях общественного сознания» [8]. Подобная позиция представляется тем более логичной и предпочтительной, что «все общественные отношения» в криминологии стало само собой разумеющимся рассматривать таким образом, что они «обязательно преломляются через призму психологии». Кроме того, результаты подобного рассмотрения, например в виде психологических характеристик личности преступника, имеют в юриспруденции многоцелевое использование: при расследовании преступлений, в уголовном процессе, профилактической работе, моделировании преступного поведения и др.

Различные предпочтения, уклоны или акценты при конструировании криминогенных систем — объективистские или субъективистские — не только возможны, на наш взгляд, но и необходимы. Наука сильна разнообразием своих исследовательских позиций, поскольку стремится охватить с их помощью многообразие действительности, общественных условий, ситуаций, отраслевых и региональных особенностей, предпочтения самих ученых, их сильные стороны, имеющиеся аналитические возможности. Но при этом реализуемые предпочтения должны быть обоснованы спецификой рассматриваемых криминальных феноменов. Задача состоит в том, чтобы криминогенные системы конструировались таким образом, чтобы представить каждый из этих феноменов во всей их целостности, исчерпывающим образом. И тот, кто лучше способен решить рассматриваемую задачу, будет иметь преимущества при реализации своих предпочтений. В данном случае, опираясь на анализ ситуации массового нарушения экономической нормы, мы предприняли попытку синтезировать модель феномена экономической преступности, воспроизводящую наиболее типические черты этого феномена.

При наличии базовой криминологической схемы для каждого особенного криминального феномена все равно уместна своя конструкция криминогенной системы. Для описания действия базовой схемы используется простой набор понятий в виде криминогенных детерминантов: причин, условий, факторов и других детерминантов преступности. Это и есть собственно язык криминологии. С его помощью механизм детерминации преступности обществом представляется простой формальной системой, которая является точкой отсчета для любых других криминологических описаний. Однако чтобы получить конкретное представление о происхождении видовых криминальных феноменов, рассматриваемую матрицу из основных криминологических понятий потребуется «наполнить» конкретными детерминантами — элементами специфической криминогенной системы. При этом не обойтись без специализированных языков уголовного права, психологии, социологии, экономики и др., с помощью которых ведется анализ элементов криминогенной системы и их взаимодействий. Возможно, правовой язык в широком смысле слова — язык уголовного права, гражданского права, трудового права, административного права и др. — и будет предпочтительным для криминологического описания отдельных ситуаций. Но ни один из этих языков не может здесь считаться универсальным, хотя любое подобное его использование и может квалифицироваться как некоторый уклон в криминологической науке и даже как чрезмерное увлечение, нарушение «чистых» канонов этой науки.

Криминология, которая специализируется на построении криминогенных систем, является, в принципе, открытой наукой для использования методологических, методических, инструментальных достижений и языков любых других наук. Правда, естественным образом — по содержанию и структуре, используемому исходному для обобщения материалу — в ней не может не претендовать на доминирование язык уголовного права. От преувеличения значения этого доминирования криминология точно так же систематически пытается отрешиваться в пользу своей специфики и самостоятельности. Принимая уголовное право как одну из доминант, наука при этом не должна замыкаться на одной криминогенной схеме, лишь по ви-

димости представляющейся универсальной и на одном псевдо-криминологическом языке. Подобное замыкание просто непродуктивно. Сложные механизмы детерминации преступности обществом требуют для своего описания и соответствующих по сложности схематизаций и разнообразия языков. Пределы адекватного представления криминальных феноменов определяются унифицирующим криминологическим подходом, но не криминологическим подходом, культивирующим многообразие криминогенных схем и языков.

Еще одно предостережение против культивирования криминологического разнообразия само собой возникает, если исходить из сложившегося разделения труда в системе общественных наук и позиции, традиционно занимаемой в данной системе криминологией. С этой позиции криминологии не рекомендуется «глубоко» вникать в детали общественных механизмов, формирующих объективные и субъективные характеристики криминальных феноменов. Но что означает и чем определяется глубина проникновения науки в сложные механизмы детерминации преступности обществом? Эта глубина определяется границами, очерченными криминогенной системой. Все, что включено в эти границы, то и подлежит всестороннему исследованию.

Теоретическая позиция криминологии в этом смысле выглядит безупречно. Она должна представить криминальный феномен в его целостности. И для этого у нее существует специфический инструмент — криминогенная система. Но криминальное целое в реальности — многообразие криминальных феноменов. С этим целым наука может иметь дело только с помощью своих схематизаций или конструктов. Проблема только в том, удовлетворяется ли она существующими на данный момент схемами или нет. Если видеть криминальное целое простым и однородным, известным наперед, изученным и описанным, не вызывающим никаких сомнений, то достаточно будет и одной схемы. Остается только тиражировать эту схему, накладывая ее на все многообразие криминальных случаев. Заняв подобную позицию, легко наклеивать ярлыки вульгарных социологизма, экономизма, психологизма и др. на любые попытки углубления в специфику криминального материала, направленные на исправление и до-

полнение первоначальной и грубой криминогенной схематизации, неизбежно примитивной для большинства таких случаев. Наверное, найдется не так уж и много исследователей, которые согласятся с господством такого примитивного подхода.

Следовательно, основная проблема в данном случае не в том, какие элементы общества необходимо рассматривать или не рассматривать с помощью криминологического анализа, как глубоко или более поверхностно возможно это сделать, организовать ли междисциплинарное исследование или поставить задачу их рассмотрения другим специалистам. Все эти вопросы невозможно решить заранее, а тем более «окончательно», до исследования специфических криминальных феноменов и до построения адекватных криминогенных систем, просто опираясь на имеющуюся традицию. Если раз и навсегда установить, во что необходимо вникать, а во что вникать не следует, то остановится любой прогресс науки. Основная проблема, на наш взгляд, состоит в выборе для исследования социальной системы в качестве криминогенной, моделирующей общественные механизмы, порождающие преступность, чтобы в конечном счете раскрыть целостный криминальный феномен. Поэтому и глубина проникновения в природу общественного целого предопределяется качеством используемой криминогенной системы.

Современная криминологическая наука должна сама решить, какие сферы социальной жизни выбрать для исследования и в связи с этим какие криминогенные системы конструировать. Подобные системы невозможно полу-

чить готовыми со стороны других наук. Лишь отчасти самые продуктивные и оправдавшие себя криминогенные системы достаются от предшествующих поколений исследователей. Их наследование всегда происходит в неполном виде, в меру освоения наследуемого материала науки. Недостаточный теоретический инструментарий для решения актуальных проблем современности нынешнее поколение криминологов должно произвести и воспроизводить уже самостоятельно. И если криминология претендует на знание «сложных механизмов» детерминации преступности «социальной средой», то какими бы сложными эти механизмы ни представлялись, их действие все равно придется раскрывать во всех подробностях, чтобы реконструировать целостный феномен преступности.

Таким образом, главные пределы криминологического подхода заключаются в способности представителей криминологической науки производить и осваивать продуктивные криминогенные системы. Их продуктивность в конечном счете заключается в том, чтобы служить основой для разработки рекомендаций, востребованных по всем направлениям противодействия современной преступности. Вследствие консервативности и инерционности традиционного научного знания на заднем плане современной криминологической науки оказались все проблемы, в том числе методологические, конструирования криминогенных систем. В то же время культивирование и успешное решение этих проблем является залогом востребованности криминологического знания и повышения его авторитета в обществе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бертовский Л.В. Выявление и расследование экономических преступлений : учеб.-практ. изд. / Л.В. Бертовский, В.А. Образцов. — М. : Экзамен, 2003. — 575 с.
2. Ветров Р. Уборка Москвы приносит чиновникам более \$ 150 млн в год / Р. Ветров, Г. Петелин // Известия. — 2013. — 29 янв. — С. 3.
3. Гаврилов Ю. «Левое» оружие не стреляет / Ю. Гаврилов // Российская газета. — 2013. — 15 мая. — С. 4.
4. Гаухман Л.Д. Уголовная ответственность за преступления в сфере экономики / Л.Д. Гаухман, С.В. Максимов. — М. : ЮрИнфоР, 1996. — 296 с.
5. Изотов И. Регион добавляет мощности / И. Изотов // Российская газета. — 2013. — 24 июля. — С. 3.
6. Криминология : учебник / под общ. ред. А.И. Долговой. — 4-е изд., перераб. и доп. — М. : Норма : Инфра-М, 2013. — 1008 с.
7. Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология / В.Н. Кудрявцев. — М. : Наука, 1982. — 287 с.
8. Кузнецова Н.Ф. Проблемы криминологической детерминации / Н.Ф. Кузнецова ; под ред. В.Н. Кудрявцева. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1984. — 208 с.
9. Кучеров И.И. Налоговые преступления : учеб. пособие / И.И. Кучеров. — М. : ЮрИнфоР, 1997. — 224 с.
10. Ларичев В.Д. Злоупотребления в сфере банковского кредитования. Методика их предупреждения / В.Д. Ларичев. — М. : ЮрИнфор, 1997. — 224 с.
11. Ларичев В.Д. Налоговые преступления / В.Д. Ларичев, А.П. Бембетов. — М. : Экзамен, 2001. — 336 с.

12. Ларичев В.Д. Налоговые преступления и правонарушения: Кто и как их выявляет и предупреждает / В.Д. Ларичев, Н.С. Решетняк ; под общ. ред. В.Д. Ларичева. — М. : ЮрИнфоР, 1998. — 202 с.
13. Ларичев В.Д. Преступления в кредитно-денежной сфере и противодействие им : учеб.-практ. пособие / В.Д. Ларичев. — М. : ИНФРА-М, 1996. — 240 с.
14. Мишина Е. Их дело — труба / Е. Мишина // Российская газета. — 2013. — 28 авг. — С. 4.
15. Московцев А.Ф. Свет и тени современной советской экономики / А.Ф. Московцев, И.Т. Таджикибаев. — Душанбе : Дониш, 1990. — 224 с.
16. Налоговые преступления : учеб. пособие. — М. : ЮрИнфоР, 1997. — 224 с.
17. Организованная преступность и преступное общество : учебник для вузов / под общ. ред. А.И. Долговой. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Инфра-М, 2007. — 912 с.
18. Петров В. Лесной шум / В. Петров // Российская газета. — 2013. — 9 авг. — С. 4.
19. Плахов В.Д. Социальные нормы / В.Д. Плахов. — М. : Мысль, 1985. — 254 с.
20. Привалов А. О печальных итогах амнистии [Электронный ресурс] / А. Привалов // Эксперт. — 2013. — № 28. — Режим доступа: <http://expert.ru/expert/2013/28/o-pechalnyih-itogah-amnistii>.
21. Радаев В.В. Экономическая социология : учеб. пособие для вузов / В.В. Радаев. — М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005. — 603 с.
22. Расследование преступлений в сфере экономики : рук. для следователей. — М. : Спарк, 1999. — 415 с.
23. Савенкова Н. Губернатор предложил полицейским выпить / Н. Савенкова // Российская газета. — 2013. — 24 июля. — С. 4.
24. Свенссон Б. Экономическая преступность / Б. Свенссон. — М. : Прогресс, 1987. — 160 с.
25. Социальные отклонения. Введение в общую теорию. — М. : Юрид. лит., 1984. — 204 с.
26. Ширманова Т. Две трети малого бизнеса вовлечено в коррупцию / Т. Ширманова // Известия. — 2014. — 29 июля. — С. 3.
27. Яковлев А.М. Социология экономической преступности / А.М. Яковлев. — М. : Наука, 1988. — 256 с.
28. Ямшанов Б. Война с преступным миром [Электронный ресурс] / Б. Ямшанов // Российская газета. — 2013. — 29 апр. — Режим доступа: <http://www.rg.ru/2013/04/29/prokuror.html>.
29. Ямшанов Б. Приговор с английского / Б. Ямшанов // Российская газета. — 2013. — 2 июля. — С. 2.
30. Albrecht W. FRAUD Bringing Light to the Dark Side of Business / W. Albrecht, G. Wernz, T. Williams. — IRWIN Professional Publishing, 1995. — 400 p.
31. Farrell R. The corporation in criminology: New directions for research / R. Farrell, V. Swigert // Journal of research in crime and delinquency. Beverly Hills (Cal.). — 1985. — Vol. 1. — P. 85.
32. Kopylov A. Aristotle Economy and Modern Times Annotation / A. Kopylov, A. Moskovshev // Middle East Journal of Scientific Research. — 2013. — Vol. 14, № 8. — С. 1070–1078.
33. Orlov V. Yritistominta Venajalla. Yleiset oikeudelliset olosuhteet suomalaisen yrityksen kannalta / V. Orlov. — Helsinki, 1996. — 300 p.
34. Stalking in Sweden: Prevalence and Prevention. — Stockholm, 2006. — 58 p.
35. Sutherland E.H. White Collar Crime / E.H. Sutherland ; forew. by D.R. Cressey. — Westport, Conn. : Greenwood Press, 1983. — 272 p.
36. Taylor I. The New Criminology: For a Social Theory of Deviance / I. Taylor, P. Walton, J. Young. — L. : Routledge and Kegan Paul, 1973. — 334 p.

REFERENCES

1. Bertovskii L.V., Obraztsov V.A. *Vyyavlenie i rassledovanie ekonomicheskikh prestuplenii* [Detection and investigation of economic crimes]. Moscow, Ekzamen Publ., 2003. 575 p.
2. Vetrov R., Petelin G. Cleaning of Moscow brings more than \$ 150 million a year to officials. *Izvestiya = Izvestiya*, 2013, January 29, pp. 3. (In Russian).
3. Gavrilov Yu. «Left» weapon don't shoot. *Rossiiskaya gazeta = Russian Gazette*, 2013, May 15, pp. 4. (In Russian).
4. Gaukhman L.D., Maksimov S.V. *Ugolovnaya otvetstvennost' za prestupleniya v sfere ekonomiki* [Criminal responsibility for economic crimes]. Moscow, YurInfoR Publ., 1996. 296 p.
5. Izotov I. The region adds power. *Rossiiskaya gazeta = Russian Gazette*, 2013, July 24, pp. 3. (In Russian).
6. Dolgova A.I. *Kriminologiya* [Criminology]. 4th ed. Moscow, Norma Publ., Infra-M Publ., 2013. 1008 p.
7. Kudryavtsev V.N. *Pravovoe povedenie: norma i patologiya* [Legal behavior: norm and pathology]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 287 p.
8. Kuznetsova N.F., Kudryavtsev V.N. (eds). *Problemy kriminologicheskoi determinatsii* [Criminologic determination issues]. Moscow University Publ., 1984. 208 p.
9. Kucherov I.I. *Nalogovye prestupleniya* [Tax crimes]. Moscow, YurInfoR Publ., 1997. 224 p.
10. Larichev V.D. *Zloupotrebleniya v sfere bankovskogo kreditovaniya. Metodika ikh preduprezhdeniya* [Abuse in bank lending. Methods of its prevention]. Moscow, YurInfoR Publ., 1997. 224 p.
11. Larichev V.D., Bembetov A.P. *Nalogovye prestupleniya* [Tax crimes]. Moscow, Ekzamen Publ., 2001. 336 p.
12. Larichev V.D., Reshetnyak N.S. *Nalogovye prestupleniya i pravonarusheniya: Kto i kak ikh vyyavlyayet i preduprezhdaet* [Tax crimes and offences: how and by whom its detected and prevented]. Moscow, YurInfoR Publ., 1998. 202 p.
13. Larichev V.D. *Prestupleniya v kreditno-denezhnoi sfere i protivodeistvie im* [Crimes in monetary sphere and its prevention]. Moscow, Infra-M Publ., 1996. 240 p.
14. Mishina E. Their business is a washout. *Rossiiskaya gazeta = Russian Gazette*, 2013, August 28, pp. 4. (In Russian).

15. Moskovtsev A.F., Tadzhibaev I.T. *Svet i teni sovremennoi sovetskoj ekonomiki* [Light and shadow of the current soviet economy]. Dushanbe, Donish Publ., 1990. 224 p.
16. *Nalogovye prestupleniya* [Tax crimes]. Moscow, YurInfoR Publ., 1997. 224 p.
17. Dolgova A.I. (ed.). *Organizovannaya prestupnost' i prestupnoe obshchestvo* [Organized crime and criminal society]. 3rd ed. Moscow, Infra-M Publ., 2007. 912 p.
18. Petrov V. The sound of the forest. *Rossiiskaya gazeta = Russian gazette*, 2013, August 9, pp. 4. (In Russian).
19. Plakhov V.D. *Sotsial'nye normy* [Social norms]. Moscow, Mysl' Publ., 1985. 254 p.
20. Privalov A. About the sad outcome of amnesty. *Ekspert = The Expert*, 2013, no. 28. Available at: <http://expert.ru/expert/2013/28/o-pechalnyih-itogah-amnistii>.
21. Radaev V.V. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic sociology]. Moscow, GU VShE Publ., 2005. 603 p.
22. *Rassledovanie prestuplenii v sfere ekonomiki. Rukovodstvo dlya sledovatelei* [Investigation of crimes in the economic sphere. Manual for investigators]. Moscow, Spark Publ., 1999. 415 p.
23. Savenkova N. Governor proposed to drink to policeman. *Rossiiskaya gazeta = Russian Gazette*, 2013, July 24, pp. 4. (In Russian).
24. Svensson B. *Ekonomicheskaya prestupnost'* [Economic crime]. Moscow, Progress Publ., 1987. 160 p.
25. *Sotsial'nye otkloneniya. Vvedenie v obshchuyu teoriyu* [Social abnormalities. Introduction to the general theory]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1984. 204 p.
26. Shirmanova T. Two-thirds of small businesses are involved in corruption. *Izvestiya = Izvestiya*, 2014, July 29, pp. 3. (In Russian).
27. Yakovlev A.M. *Sotsiologiya ekonomicheskoi prestupnosti* [Sociology of economic crime]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 256 p.
28. Yamshanov B. War with the criminal society. *Rossiiskaya gazeta = Russian Gazette*, 2013, April 29. Available at: <http://www.rg.ru/2013/04/29/prokuror.html>. (In Russian).
29. Yamshanov B. Adjudication from english. *Rossiiskaya gazeta = Russian Gazette*, 2013, July 2, pp. 2. (In Russian).
30. Albrecht W., Wernz G., Williams T. *FRAUD Bringing Light to the Dark Side of Business*. IRWIN Professional Publishing, 1995. 400 p.
31. Farrell R., Swigert V. The corporation in criminology: New directions for research. *Journal of research in crime and delinquency*. Beverly Hills (Cal.), 1985, vol. 1, pp. 85.
32. Kopylov A., Moskovshev A. Aristotle Economy and Modern Times Annotation. *Middle East Journal of Scientific Research*, 2013, vol. 14, no. 8, pp. 1070–1078.
33. Orlov V. *Yritistointiminta Venajalla. Yleiset oikeudelliset olosuhteet suomalaisen yrityksen kannalta*. Helsinki, 1996. 300 p.
34. *Stalking in Sweden: Prevalence and Prevention*. Stockholm, 2006. 58 p.
35. Sutherland E.H., Cressey D.R. (ed.). *White Collar Crime*. Westport, Conn., Greenwood Press, 1983. 272 p.
36. Taylor I., Walton P., Young J. *The New Criminology: For a Social Theory of Deviance*. London, Routledge and Kegan Paul, 1973. 334 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Московцев Александр Федорович — декан факультета экономики и управления, заведующий кафедрой маркетинга, менеджмента и организации производства Волгоградского государственного технического университета, доктор экономических наук, профессор, г. Волгоград, Российская Федерация; e-mail: mmiop@vstu.ru.

Копылов Алексей Владимирович — доцент кафедры маркетинга, менеджмента и организации производства Волгоградского государственного технического университета, кандидат экономических наук, доцент, г. Волгоград, Российская Федерация; e-mail: kopilov@bk.ru.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Московцев А.Ф. Криминогенные детерминанты экономической преступности: вопросы теории и практики / А.Ф. Московцев, А.В. Копылов // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2014. — № 4. — С. 162–174. — DOI: 10.17150/1996-7756.2014.8(4).162-174.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Moskovtsev, Aleksandr F. — Dean of Economics and Management Faculty, Head of Marketing, Management and Manufacture Organization Department of Volgograd State Technical University, Doctor of Economics, Professor, Volgograd, Russian Federation; e-mail: mmiop@vstu.ru.

Kopilov, Aleksey V. — Department of Marketing, Management and Manufacture Organisation Associated Professor, Volgograd State Technical University, PhD in Economics, Associate Professor, Volgograd, Russian Federation; e-mail: kopilov@bk.ru.

REFERENCE TO ARTICLE

Moskovtsev A.F., Kopylov A.V. Criminogenic determinants of economic crime: theory and practice. *Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 2014, no. 4, pp. 162–174. (In Russian). DOI: 10.17150/1996-7756.2014.8(4).162-174.